

П.А. Кузьминов

А.М. Урусова

ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ НОВОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАВКАЗОМ В 50–70-х гг. XIX ВЕКА

П.А. Кузьминов*, А.М. Урусова**

Аннотация. В результате либеральных преобразований 50–70-х гг. XIX в. на Северном Кавказе сложилась своеобразная система управления, которая представляла собой совокупность гражданского управления для жителей городов (Екатеринодара, Владикавказа, Моздока, Кизляра и др.) и Ставропольской губернии, военное для казачества (Терское и Кубанское казачье войско) и военно-народное – для горцев.

Ключевые слова: Северный Кавказ, традиционное общество, социальные отношения, система управления, область, округ, участок.

Проблема административно-судебного устройства народов Северного Кавказа на завершающем этапе Кавказской войны и в условиях интеграции горцев в Российское пространство привлекает внимание многих исследователей, в том числе В.Д. Дзидзоева [1], А.С. Кондрашева [2], И.Л. Бабич [3], В.О. Бобровникова [4], Т.М. Канчиева [5], П.А. Кузьминова [6] и других. Между тем не все аспекты этой многогранной проблемы еще изучены. Предлагаем общую картину основных преобразований в регионе.

Для проведения аграрной и крестьянской реформ у народов Северного Кавказа нужен был профессионально подготовленный, гибкий, адекватно реагирующий на «вызовы», идущие от горских обществ, аппарат управления. Такие административные органы стали формироваться еще в годы военного противостояния с имамом Шамиля. При этом задача административной организации имела приоритетное значение, поскольку первым шагом «приобретения» новых регионов «становилось построение административной вертикали, доходившей до самого отдаленного ущелья» [7, с. 83].

Приступая к переустройству края, наместник Кавказа А.И. Бяратинский признавал, что в этом деле «... предстоит труд огромный и головоломный». Сложность задачи заключалась в том, что, с одной стороны, нельзя было навязывать горцам несвойственные им понятия и условия жизни, для чего необходимо было привлечь к управлению горцами элиту местных народов, которая бы работала под присмотром российских офицеров, хорошо «изучивших нравы, обычаи и языки горских народов» [8, с. 168].

Отдельной и, может быть, самой трудной проблемой намеченных преобразований была

кадровая. Не случайно А.И. Бяратинский акцентировал внимание военного министра России именно на этом вопросе: «Где найти достаточное число людей, которые могли бы стать во главе отдельных управлений и самостоятельно вести свод народных учреждений?» [9, т. 12, с. 644].

Поэтому для лиц, привлеченных к административной работе, устанавливались определенные льготы, дополнительно выплачивалось жалование за выслугу лет, присваивались вне очереди воинские звания. Одновременно произошло количественное увеличение штата всего аппарата управления.

Определяя задачи новой системы управления в регионе, исследователи выделяют ряд моментов, требующих срочного решения аппаратом чиновников: во-первых, она должна была преодолеть судебно-административную раздробленность в крае и создать новый административно-правовой механизм, тесно связанный с правительством России; во-вторых, постепенную ликвидацию социальной, судебной и распорядительной власти горской; в-третьих, ослабить шариат, провести модернизацию адата, максимально адаптировав его к российскому судопроизводству [1–6, 9, 11].

Первой подверглась модификации система приставств, сложившаяся в период проникновения и утверждения России на Кавказе. Приставские управления на левом крыле Кавказской линии были упразднены положением от 2 декабря 1857 г. и вместо них было создано 4 округа: Кабардинский, Осетинский, Кумыкский и Чеченский [10, с. 189].

Важнейшие положения новой вертикали власти, получившей звучное имя «Военно-народное

* Кузьминов Петр Абрамович – д.и.н., доцент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, профессор кафедры истории России (Petraakis_hist@bk.ru).

** Урусова Анета Мухамедовна – аспирант кафедры истории России Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова, учитель истории МКОУ СОШ № 1 с. п. Нарпан (Petraakis_hist@bk.ru).

управление», были легитимизированы 1 апреля 1858 г. «Положением о кавказской армии». Они состояли в следующем:

- народный суд и народная милиция возглавлялись представителями военной администрации;

- народное право (адат) бралось под опеку государства, однако ограничивалось право «кровной мести»; право «всеобщего применения оружия»: запрещался трехдневный грабеж имущества убийцы и захват имущества родных и односельчан неисправимого должника в обеспечении долга; не допускалось применение в народных судах «решений по шариату и адату, которые противоречат общему духу наших законов»;

- создавались благоприятные условия для естественного процесса формирования государственности у горских народов Северного Кавказа; меры по восстановлению в правах представителей высших сословных горцев, которые должны были стать опорой для администрации; предполагалось создание милицейской стражи из горцев;

- разрабатывались эффективные экономические меры, направленные на повышение благосостояния горцев, включавшие развитие торговли и промышленности, разрешение земельного вопроса, разработку системы поощрительных мер для горцев, находящихся на службе у российского правительства;

- создавались условия, направленные на развитие и поддержку национальной культуры горцев, вовлечение их в сферу культурного влияния России [11, с. 188].

При штабе Кавказской армии было создано особое учреждение для быстрого решения злободневных вопросов местного населения «Канцелярия по управлению кавказскими горцами», которая в 1865 г. была переименована в «Кавказское горское управление».

В 1860 г. Кавказская линия как военно-административное подразделение Кавказского наместничества была ликвидирована, а все пространство Северного Кавказа было поделено на Терскую и Кубанскую области и Ставропольскую губернию. Области, в свою очередь, были разделены на округа. Терская область объединяла 8 округов: Кабардинский, Осетинский, Ингушский, Кумыкский, Чеченский, Аргунский, Ичкеринский, Нагорный [12].

Внутри области вводилось раздельное управление для городского, казачьего и горского населения. Это стало началом практического осуществления перестройки военно-колониационного режима населения Северного Кавказа на гражданский лад. Округа делились на участки или наибства, а те, в свою очередь, на аулы.

По «Положению об управлении Дагестанской областью» от 5 апреля 1860 г., Дагестан состоял из 4 военных отделов: 1) Северный Дагестан, 2)

Южный Дагестан, 3) Средний Дагестан, 4) Верхний Дагестан, а также наибства Сулакского и двух гражданских управлений: Дербентское градоначальство и управление портовым городом Петровском. В составе военных отделов были образованы округа, которые дробились на более мелкие административные единицы – наибства. Отдельные ханства и владения вошли вместе с округами в состав военных отделов. Это свидетельствует о том, что «Положение» не решило до конца вопрос о создании однотипной системы административного деления и управления в Дагестане. Оно по-прежнему делилось на военное, ханское и гражданское [13, с. 120]. Но уже в 1867 г. все ханства и владения Дагестана под различными предлогами были ликвидированы. Дагестанская область теперь состояла из девяти округов, в которых существовала однотипная система управления.

В состав Кубанской области вошли территории Черноморского казачьего войска, Старой линии (северо-восточная часть края от устья р. Лабы до границы со Ставропольской губернией) и Закубанья. На землях бывшей Черномории сохранились прежние три округа: Екатеринодарский, Ейский и Таманский. Территория же бывшего Линейного войска была распределена между шестью бригадами и шестью казачьими полками. На территории Закубанья, заселенной горцами, было создано военное управление. Сначала округов было три: Верхнекубанский, Бжедуховский, Абадзехский, а с 1866 г. – пять: Псекупский, Лабинский, Урупский, Зеленчукский и Эльборусский [14, с. 107].

Таким образом, на Северном Кавказе в 60-х годах XIX в. сложилась своеобразная система управления, которая представляла собой совокупность гражданского управления для жителей городов (Екатеринодара, Владикавказа, Моздока, Кизляра и др.) и Ставропольской губернии, военного для казачества (Терское и Кубанское казачье войско) и военно-народное – для горцев. Вся полнота власти находилась в руках российских офицеров, которые занимали должности от начальников областей до начальников участков или наибств. Им подчинялись военные, казачьи и полицейские силы, суды, сельские управления, что в целом представляло собой серьезное неудобство.

Становление новой системы управления в крае многократно усилило контакты горцев с русским населением городов и предгорий, что привело к столкновению частных экономических интересов, вызвало запутанность делопроизводства. Различные формы управления в рамках области негативно влияли на процесс интеграции.

Осознанная необходимость преобразования системы управления потребовала активных действий. Проект административно-территориального устройства областей Северного Кавказа был утвержден 30 декабря 1869 г. указом Александра II Правительствующему Сенату. Главные аспекты но-

вого «Положения о Кубанской и Терской областях» заключались в ликвидации отдельных учреждений для гражданского, казачьего и горского населения и подчинении всего населения без этнических различий в единые административно-территориальные единицы, хотя и «с необходимым по местным условиям изъятием для горцев» [14, с. 212]. «Изъятия», причем значительные, были сделаны и для казачьего населения. По мнению О.А. Леусян, в Кубанской области сложилось «не гражданское, а военно-казачье административное устройство» [14, с. 107]. В Терской области административная, военная и судебная власть в округах по-прежнему принадлежала начальникам округов.

Тем не менее «народный», этнический принцип, положенный в основу административно-территориального деления Северного Кавказа в 1860-х годах, привел к тому, что «в регионе впервые возникли административные границы, легитимные для российской государственности. До этого существовали лишь этнические границы, установленные скорее по праву сильного, нежели освященные традицией или имеющие сколь-нибудь существенное формально-правовое закрепление. Новые этнические границы также появились по праву сильного, но теперь они сопровождалась тем административным, государственным оформлением, которое послужило зачатком нынешней этнополитической конструкции региона» [15, с. 9].

Новая система управления давала реальные возможности инкорпорирования традиционных общественных институтов горцев, прежде всего на аульном уровне, в административно-правовую систему Российского государства. В «Положении о сельских (аульных) обществах в горском населении Терской области», утвержденном наместником Кавказа 30 сентября 1870 г., «четко прослеживается стремление приблизить местное управление в горских обществах к мирскому управлению» [16, с. 173].

Воссозданы были и такие важные законодательные органы власти на местах, как сельские сходы и Съезд доверенных сельских обществ в Кабарде, решавший простые хозяйственные, но чрезвычайно важные для сельского труженика вопросы.

Рассматривая военно-народное управление как новую форму социокультурного диалога имперского Центра и горской Периферии, можно отметить, что «шел постоянный поиск адекватных форм управления Кавказом, который нашел свое отражение во введении военно-народного управления, учитывающего стратегические интересы России в регионе и традиции самоуправления кавказских народов. Введение системы двойного российско-кавказского управления учитывало менталитет кавказского населения, большинство которого воспитывалось в традициях полиюридизма» [17, с. 42].

С конца XVIII века важнейшим направлением административной политики России на Кавказе

было желание взять под контроль горское судопроизводство. Активное противодействие горцев этому процессу (восстания в Кабарде в 1793 и 1807 гг.) вынудило коронное правительство полнее учитывать особенности общественного строя, нормы обычного права и традиции населения. Так в Кабарде в 1807 г. было официально введено судопроизводство по шариату.

При создании системы военно-народного управления, предусматривающей реформирование судопроизводства и судопроизводства у горских народов, использован был опыт, накопленный «Временным судом» в Кабарде (1822–1858), «Народными судами» Осетии (1847–1858) и Чечни (1852–1858) [8, т. 12, с. 645], где члены судебных органов избирались из местного населения, а председателями являлись начальники военно-народных округов [18, с. 15].

По форме суд был создан по российскому образцу, но юридической основой судопроизводства оставались нормы обычного права. По шариату разрешались лишь споры и тяжбы, вытекавшие из духовных (оскорбление религиозных чувств, дела, связанные с деятельностью мусульманского духовенства) и семейных (разводы мужа и жены, споры между родителями и детьми и т. д.) дел. Поддержка адата должна была ослабить роль мусульманского духовенства в общественной жизни горцев и облегчить переход к российскому судопроизводству.

В соответствии с судебными уставами России 1864 г. все судебные дела разделили на гражданские и уголовные. Гражданские иски и незначительные уголовные дела (воровство, драка, «умыкание» женщин и др.) оставались в ведении окружных судов и рассматривались на основе адата. А более серьезные уголовные дела были изъяты из их ведения. К этой категории отнесли: государственное предательство; мятеж против правительства и поставленных от него властей; личное неповиновение начальству или его оскорбление; грабеж; воровство государственного имущества; убийство и поранение с увечьем. Если последний вид преступления не был совершен по политическим мотивам, то его рассмотрение оставалось в юрисдикции окружного суда. Во всех остальных случаях виновные, как правило, подвергались наказанию в административном порядке, что означало выселение виновного в Сибирь или в одну из губерний России.

Апелляционной инстанцией для всех окружных судов Терской области был «Главный народный суд», расположенный в г. Владикавказе. Депутаты суда назначались начальником области из представителей горской элиты. В соответствии с количеством участков в округе учреждались участковые народные суды, во главе которых стояли участковые начальники. Члены участкового суда избирались сроком на один год на участковом собрании выборщиками, избранными в селениях и аульных обществах. Решение

участкового собрания об избрании состава суда утверждалось начальником округа.

Наряду с введенными правительством судебными учреждениями, у народов Северного Кавказа сохранились медиаторские (посреднические) суды, решения которых считались окончательными и обжалованию не подлежали [8, т. 12, с. 1197]. По мнению Г.Н. Малаховой, термин «народный», в приложении к горскому суду, означал отличный от общероссийского, исполняющий обычное право горцев (адат) и мусульманское право (шариат), а также присутствие в суде представителей горских народов в качестве депутатов [9, с. 239].

Вторым этапом судебных преобразований было утверждение 30 декабря 1869 г. «Временных правил горских словесных судов». В соответствии с этим постановлением судебные уставы от 20 ноября 1864 г. были распространены на русское население Терской и Кубанской областей. Горское население оно не коснулось. «Правила» предусматривали сохранение народных судов, учрежденных в 1858–1862 гг. Но они были частично преобразованы. В округах был введен окружной словесный суд под председательством начальника округа или его помощника. Словесный суд имел тот же состав и полномочия, что и прежний. Начальники Терской и Кубанской областей утверждали составы этих судов и все их решения по уголовным и гражданским делам. Кроме того, в Кабарде и Балкарии, Осетии и плоскогорной Чечне, равнинной части Кумыкии, в Кубанской области были учреждены аульские суды, а в горной Чечне – Аргунском и Веденском округах, а также в горной части Грозненского и Хасавюртовского округов вводились участковые суды. Те и другие руководствовались одними и теми же установлениями, рассматривали одинаковый круг вопросов – в их ведение были переданы уголовные дела по маловажным преступлениям, совершенным в пределах территории сельского общества [19, с. 281].

На основании «Временных правил» в Терской области с 1 января 1871 г. были учреждены семь горских словесных судов: Нальчикский (для кабардинцев и балкарцев), Владикавказский (для осетин), Назрановский (для ингушей), Хасав-Юртовский (для кумыков), Грозненский, Веденский и Аргунский (для чеченцев). Многочисленные нарекания и жалобы на качество судебного разбирательства в этих судах привели к тому, что осетины и кабардинцы высказались за введение у них русских судебных институтов вместо горских словесных судов [20, с. 63]. Кабардинским уполномоченным было отказано, а для осетин сделано исключение, и 28 октября 1871 г. был создан мировой отдел Владикавказского окружного суда вместо упраздненного словесного суда [21, с. 163].

Введение нового судопроизводства было важным шагом в оформлении новой социально-экономической и административно-судебной системы жизнедеятельности горского социума. Складывается иная, более европоцентристская система «координат», «втягивающая» горские народы в лоно прогресса и новых социокультурных ценностей.

Конечно, не все шло гладко, как это рисовалось в тиши чиновничьих кабинетов, во время подготовки проектов. Правительство, кавказская администрация, пробуждающееся общественное мнение вновь и вновь возвращалось к результатам аграрных, административных, межнациональных и судебных преобразований. Вносились предложения, что-то пересматривалось, но созданная система государственного управления способствовала «объективным процессам сближения народов Кавказа, росло количество межнациональных браков, особенно среди аристократов. Укреплялись не только родственные, но и торгово-экономические отношения между народами, что, естественно, сплачивало их» [22, с. 94]. Так продолжалось без больших потрясений и изменений вплоть до 1917 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Дзидзоев В.Д.** Народы Северного Кавказа в XVIII–XIX вв. – Владикавказ, 1994; *Нальчик*, 1995; *Из истории взаимоотношений народов Северного Кавказа в XVIII–XIX вв. (историко-этнологическое исследование)*. – Махачкала, 1997; *Осетия в системе взаимоотношений народов Кавказа в XVII – нач. XX вв. (историко-этнологическое исследование)*. – Владикавказ, 2001; 2003; *Национальные отношения на Кавказе*. – Владикавказ, 1995; 1998; 2000.
2. **Кондрашева А.С.** К проблеме соотношения обычно-правовых норм и официального законодательства на примере правового Кавказа (вторая половина XIX в.) // *Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах*. – М., 1999.
3. **Бабич И.Л.** Эволюция правовой культуры адыгов. – М., 1999.
4. **Бобровников В.О.** Мусульмане Северного Кавказа: бычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М., 2002.
5. **Катанчиев Т.М.** Кабардинское обычное право. Его особенности. – *Нальчик*, 2003.
6. **Кузьминов П.А.** Становление российской административно-судебной системы в Центральном Предкавказье в конце XVIII – начале XIX века // *Труды современного гуманитарного университета (СГУ). Проблемы гуманитарных наук*. – М., 2000. Вып. 18; Кузьминов П.А. Образование Терской области в 1860 г. // *Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Третьей международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции*. – Армавир, 2002; Кузьминов П.А., Маргушева А.М., Цолоев Т.С. Первые опыты создания новой правовой системы Кабарды и Балкарии во второй половине XIX века // *Известия Кабардино-Балкарского государственного университета*. Т. № 4. *Нальчик*, 2011. С. 79–81.
7. **Витова Е.Г.** Балкарские общества в административно-политической системе Российской империи XIX в. // *Кавказский сборник*. – М., 2004. Т. 1 (33).

3. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. В 2-х тт. – Тифлис, 1907. Т. 2.
8. Акты Кавказской археографической комиссии. – Тифлис, 1893. Т. 12.
9. Малахова Г.Н. Становление и развитие Российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. – Ростов-на-Дону, 2001.
10. История российского государственного управления на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. – Ростов-на-Дону, 2004.
11. Бобровников В.О. Военно-народное управление в Дагестане и Чечне: история и современность // Россия и Кавказ сквозь два столетия. – СПб., 2001.
12. ПСЗ-II. Т. XXVII. Отд. 1. С. 497–502.
13. История Дагестана. – М., 1968. Т. 2.
14. История Кубани с древнейших времен до конца XX века. – Краснодар, 2004.
15. Цуцеев А., Дзугаев Л. Северный Кавказ 1780–1995: история и границы. – Владикавказ, 1997.
16. Битова Е.Г. Модернизирующие реформы на Северном Кавказе и местная политическая традиция: отторжение или адаптация // Respublica. Альманах социально-политических и правовых исследований. Вып. 1. Нальчик, 2000.
17. Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 1997.
18. Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX века). – Нальчик, 1995.
19. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М., 1988.
20. Отчет по Главному управлению наместника Кавказского. – Тифлис, 1873.
21. Агишев Н.М., Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских народных судов Кавказского края. – СПб., 1912.
22. Дзидзоев В.Д. Народы Северного Кавказа в XVIII–XIX вв. – Владикавказ, 1994. С. 94.

ATTEMPTS TO CREATE A NEW SYSTEM MANAGEMENT CAUCASUS IN THE 50–70-th OF XIX CENTURY

P.A. Kuzminov*, A.M. Urusova**

* Dr., Associate Professor Kabardino-Balkarian State University
them HM Berbekov, professor of Russian history.

** Post-graduate at the Department of History of Russian Kabardino-Balkarian
State University named after H.M. Berbekov, history teacher of Municipal
budget educational institution №1 v. Nartan (Petraakis_hist@bk.ru).

Abstract. As a result of liberal reforms 50–70-ies XIX century in the North Caucasus has developed a original system of government, which is a set of civil administration for urban residents (Ekaterinodar, Vladikavkaz, Mozdok, Kizlyar, etc.) and the Stavropol province, the military for the Cossacks (Terek and Kuban Cossack troops) and military-national – for Highlanders.

Keywords: North Caucasus, the traditional society, social relations, management system, region, county, land.

REFERENCES

- Dzidzoev V.D. Narody Severnogo Kavkaza v XVIII–XIX vv. Vladikavkaz, 1994; Nal'chik, 1995; Ego zhe. Iz istorii vzaimootnosheniy narodov Severnogo Kavkaza v XVIII–XIX vv. (istoriko-etnologicheskoe issledovanie). – Makhachkala, 1997; Ego zhe. Osetiya v sisteme vzaimootnosheniy narodov Kavkaza v XYII–nach. XX vv. (istoriko-etnologicheskoe issledovanie). – Vladikavkaz, 2001; 2003; Ego zhe. Natsional'nye otnosheniya na Kavkaze. – Vladikavkaz, 1995; 1998; 2000.
- Kondrasheva A.S. K probleme sootnosheniya obychno-pravovykh norm i ofitsial'nogo zakonodatel'stva na primere pravovogo Kavkaza (vtoraya polovina XIX v.) // Obychnoe pravo i provoy plyuralizm v izmenyayushchikhsya obshchestvakh. – M., 1999.
- Babich I.L. Evolyutsiya pravovoy kul'tury adygov. – M., 1999.
- Bobrovnikov V.O. Musul'mane Severnogo Kavkaza: obychnay, pravo, nasilie: Ocherki po istorii etnografii prava Nagornogo Dagestana. – M., 2002.
- Katanchiev T.M. Kabardinskoe obychnoe pravo. Ego osobennosti. – Nal'chik, 2003.
- Kuz'minov P.A. Stanovlenie rossiyskoy administrativno-sudebnoy sistemy v Tsentral'nom Predkavkaz'ye v kontse XVIII – nachale XIX veka // Trudy sovremennogo gumanitarnogo universiteta (SGU). Problemy gumanitarnykh nauk. – M., 2000. Vyp.18; Kuz'minov P.A. Obrazovanie Terskoy oblasti v 1860 g. // Iz istorii kul'tury lineynogo kazachestva Severnogo Kavkaza. Materialy Tret'yey mezhdunarodnoy Kubansko-Terskoy nauchno-prosvetitel'skoy konferentsii. – Armavir, 2002; Kuz'minov P.A., Margusheva A.M., Tsoleov T.S. Pervye opyty sozdaniya novoy pravovoy sistemy Kabardy i Balkarii vo vtoroy polovine XIX veka // Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta. T. № 4. Nal'chik, 2011. S. 79–81.
- Bitova E.G. Balkarskie obshchestva v administrativno-politicheskoy sisteme Rossiyskoy imperii XIX v. // Kavkazskiy sbornik. – M., 2004. T. 1 (33).
- Esadze S. Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom. V 2-kh tt. Tiflis, 1907. T. 2.
- Akty Kavkazskoy arkheograficheskoy komissii. Tiflis, 1893. T. 12.
- Malakhova G.N. Stanovlenie i razvitie Rossiyskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – XIX vv. – Rostov-na-Donu, 2001.
- Istoriya rossiyskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v XVIII – XIX vv. – Rostov-na-Donu, 2004.
- Bobrovnikov V.O. Voенно-народное управление в Дагестане и Чечне: история и современность // Rossiya i Kavkaz skvoz' dva stoletiya. – SPb., 2001.
- ПСЗ-II. Т. XXVII. Отд. 1. С. 497–502.
- Istoriya Dagestana. M., 1968. T. 2.
- Istoriya Kubani s drevneyshikh vremen do kontsa XX veka. – Krasnodar, 2004.
- Tsutsiev A., Dzugaev L., Severnyy Kavkaz 1780–1995: istoriya i granitsy. – Vladikavkaz, 1997.
- Bitova E.G. Moderniziruyushchie reformy na Severnom Kavkaze i mestnaya politicheskaya traditsiya: otorzhenie ili adaptatsiya // Respublica. Al'manakh sotsial'no-politicheskikh i pravovykh issledovaniy. Vyp. 1. Nal'chik, 2000.
- Khoperskaya L.L. Sovremennye etnopoliticheskie protsessy na Severnom Kavkaze. – Rostov-na-Donu, 1997.
- Kalmykov Zh.A. Ustanovlenie russkoy administratsii v Kabarde i Balkarii (konets XVIII – nachalo XX veka). – Nal'chik, 1995.
- Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.) – M., 1988.
- Otchet po Glavnomu upravleniyu namestnika Kavkazskogo. – Tiflis, 1873.
- Agishev N.M., Bushen V.D. Materialy po obozreniyu gorskikh narodnykh sudov Kavkazskogo kraya. – SPb., 1912.
- Dzidzoev V.D. Narody Severnogo Kavkaza v XVIII–XIX vv. – Vladikavkaz, 1994. s. 94.